

ж. IV. 196.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

СОСТОЯНІИ ПРАВОСЛАВІЯ

И

О ПРАВОСЛАВНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ

ВЪ ПРИВАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

79022

(По поводу брошюры: „Некрологъ Преосвященнаго Филарета, епископа Рижскаго и Митавскаго“. Рига 1882 г.)

Bibliotheca
universitatis
Jurievensis

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Дома Призрѣнія Малоимѣнныхъ Бѣдныхъ, по Лиговкѣ, № 16.

1883.

А
3.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

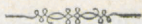
О

СОСТОЯНІИ ПРАВОСЛАВІЯ

И

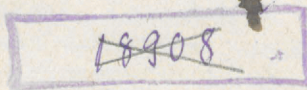
О ПРАВОСЛАВНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ

ВЪ ПРИБАЛТИЙСКОМЪ КРАѢ.

79022.

(По поводу брошюры: „Некрологъ Преосвященнаго Филарета, епископа Рижскаго и Митавскаго“. Рига 1882 г.)

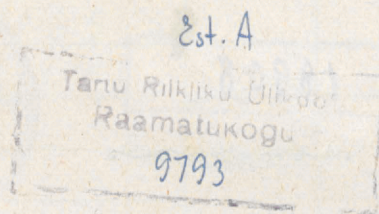

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Вѣдныхъ, по Лиговѣ, № 16.

1883.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, Мая 5 дня, 1883 года.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1882 года въ Ригѣ появилась въ продажѣ брошюра подѣ заглавіемъ: «Некрологъ преосвященнаго Филарета, епископа рижскаго и митавскаго», посвященная памяти покойнаго преосвященнаго, скончавшагося 23 февраля того же года. Брошюра эта въ извлеченіяхъ была перепечатана въ мѣстныхъ нѣмецкихъ и даже эстонскихъ газетахъ. Авторъ брошюры (стр. 5) рекомендуется ученикомъ покойнаго архипастыря по Кіевской духовной академіи; слѣдовательно, онъ одинъ изъ кіевскихъ академистовъ, вызванныхъ покойнымъ преосвященнымъ на учительскія кафедры въ рижскую духовную семинарію ¹⁾. «Некрологъ» представ-

¹⁾ 20 декабря 1882 г. Въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» появилась замѣтка слѣдующаго содержанія: «Въ № 273 Рижскаго Вѣстника въ письмѣ въ редакцію о Некрологѣ покойнаго преосвященнаго Филарета сказано, что онъ составленъ и напечатанъ наставниками семинаріи и что можно пріобрѣсти его у ректора семинаріи, архимандрита Герасима, за 50 к. Долгомъ считаю заявить: а) что означенный Некрологъ у меня не продается и продаваться не будетъ,—вѣроятно эта замѣтка въ письмѣ основывается на какомъ нибудь недоразумѣніи; б) мы не извѣстно, что наставники семинаріи были составителями и издателями этого Некролога; Некрологъ имѣетъ одного автора, который самъ себя называетъ въ Некрологѣ ученикомъ покойнаго преосвященнаго Филарета, и в) между мною и Некрологомъ въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ печати, нѣтъ ничего общаго..., содержаніе Некролога исключительно дѣло автора или *неизвѣстныхъ мы по мимо его авторовъ*. Въ «Трудахъ Кіевской Духов. Академіи» за 1882 г. въ декабрьской книжкѣ на стр. 95 между прочимъ говорится: «рѣчи (произнесенныя при гробѣ преосвященнаго Филарета) съ подробнымъ и обстоятельнымъ Некрологомъ преосвященнаго изданы въ Ригѣ трудами *бывшихъ воспитанниковъ академіи*» (Кіевской). Все это вмѣстѣ взятое довольно ясно опредѣляетъ, кѣмъ составленъ, «Некрологъ» преосв. Филарета.

лялъ бы собою дань признательности плодотворной дѣятельности почившаго архипастыря, еслибы кромѣ словъ и рѣчей, произнесенныхъ при гробѣ почившаго, не заключалъ въ себѣ много такого, что совершенно противно духу, мыслямъ и намѣреніямъ покойнаго.

Читатель поражается приплетеннымъ къ Некрологу пасквиломъ на туземное духовенство рижской епархіи, будто носящее въ себѣ «главную и могущественнѣйшую» причину, побуждающую православныхъ латышей и эстовъ снова обращаться въ протестантство (стр. 8). Такая причина, по словамъ автора «Некролога», скрывается не въ чемъ иномъ, какъ въ духовныхъ лицахъ туземнаго латышскаго и эстскаго происхожденія, получившихъ образованіе въ рижской духовной семинаріи и состоящихъ на епархіальной и духовно-училищной службѣ. Свое столь категорическое и смѣлое рѣшеніе авторъ (или авторы) не основываетъ, какъ бы слѣдовало, на какихъ либо дознанныхъ фактахъ, въ которыхъ сказалось бы дурное вліяніе духовенства туземнаго происхожденія на православные приходы, или какихъ либо показаній самихъ уклонившихся или уклоняющихся. Нѣтъ, православная эсто-латышская среда для него *terra incognita*. Онъ провель въ краѣ лишь года два (а можетъ быть и того меньше) и то не на епархіальной службѣ, среди или, по крайней мѣрѣ, близъ эстскаго и латышскаго народа. Едва ли онъ видѣлъ въ глаза хоть одну эстонскую или латышскую крестьянскую хату. Съ эстомъ и латышомъ онъ, само собою разумѣется, не перемолвился и словомъ, такъ какъ не знаетъ языка ни того, ни другаго. Являясь слѣпымъ орудіемъ лицъ, для которыхъ интересы православія и русскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ совершенно чужды, онъ свои сужденія старается обосновать на авторитетахъ бывшихъ рижскаго архіепископа Платона и почившаго Филарета. Онъ

увѣряетъ, что преосвященный Платонъ съ замѣчательною проницательностію еще въ 1857 году отгадалъ, что изъ туземныхъ уроженцевъ—эстовъ и латышей—могутъ произойти только соблазнитель и совратитель православныхъ и неоднократно настойчивыми представленіями старался достигнуть и наконецъ достигъ того, что съ 1859 г. для крестьянскихъ дѣтей изъ эстовъ и латышей былъ закрытъ доступъ въ семинарію, и будто преосвященный Филаретъ пришелъ подъ конецъ къ глубокому убѣжденію, что если православіе и удерживается въ Прибалтійскомъ краѣ, то благодаря только дѣятелямъ еще пятидесятихъ годовъ, что новый приливъ силъ мѣстнаго происхожденія скорѣе можетъ разрушать это дѣло, чѣмъ созидать,—что и состояніе самой рижской семинаріи, находившейся въ послѣднее десятилѣтіе подъ управленіемъ лица латышскаго происхожденія, преосвященный нашель далеко неутѣшительнымъ (стр. 8—12).

Само собою разумѣется, что не уваженіе и любовь къ почившему архипастырю Филарету побудили автора «Некролога» омрачить его свѣтлую память раздраженіемъ его пастырей, составляемой православною частью латышскаго и эстскаго народа, и возбужденіемъ духа розни и взаимной вражды между духовенствомъ туземнаго и русскаго происхожденія. Его перомъ водило чувство какой-то неблагоприятной неприязни къ эстской и латышской народностямъ, и пасквиль его на туземное духовенство къ «Некрологу» плохо прилаженъ; такъ и видится, какъ будто чернилами, употребленными на этотъ пасквиль, кто-то пытался смыть руки предъ правительствомъ и русскимъ обществомъ въ своей собственной винѣ по дѣлу православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Своимъ пасквиломъ авторъ «Некролога» дѣлитъ духовенство рижской епархіи на два лагеря—природное русское и туземное, хотя различіе между ними стало въ послѣднее время сглаживать-

ся и забываться. Онъ злонамѣренно вселяетъ вражду и ненависть между служителями единой православной церкви и общаго дѣла, направляя свои клеветы и пасквильныя инсинуаціи исключительно противъ духовенства эсто-латышскаго. Въ то время, когда между свѣтскими и духовными дѣятелями Прибалтійскаго края изъ эстовъ и латышей и русскихъ устанавливается солидарность, въ средѣ духовенства подобныя пасквильныя инсинуаціи возбуждаютъ вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ и пригодности священнослужителей края различныхъ національностей;—возбуждается веденіе между ними счетовъ, чреватое быть можетъ враждою. Между тѣмъ только дружное и согласное дѣйствованіе православнаго духовенства можетъ въ этомъ краѣ поддержать православіе; и насколько авторы «Некролога» сѣютъ сѣмена раздора, выдвигая принципъ національной розни тамъ, гдѣ этого не требуется дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, они наносятъ существенный вредъ дѣлу православія и русскому дѣлу въ краѣ. Мы искренно желаемъ, чтобы эти сѣмена истлѣли, не принеся горькихъ плодовъ, и чтобы разъединяемые авторомъ «Некролога» православные пастыри Прибалтійскаго края эсто-латышскаго и русскаго происхожденія всегда относились другъ къ другу дружно, довѣрчиво и доброжелательно. Пасквиль вышелъ въ іюнѣ, но запятнанное имъ эсто-латышское духовенство (не считая единоличнаго заявленія одного изъ священниковъ туземцевъ въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ») молчало по настоящее время въ терпѣливомъ ожиданіи, не произнесетъ ли епархіальное начальство своего гласнаго суда надъ пасквиломъ «Некролога» и его авторами,—этимъ оно устранило бы злонамѣренно возбуждаемую рознь въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ. Можно было ожидать и того, не заявитъ ли природно-русское духовенство о своей несолидарности съ авторомъ пасквиля, и даже

не послышится ли изъ его среды братскій голосъ въ защиту духовенства туземнаго, такъ какъ русское духовенство составляетъ въ епархіи большинство и стоитъ у дѣла православія съ самаго его начала и ближайшимъ образомъ знаетъ причины какъ присоединеній, такъ и уклоненій эстовъ и латышей. Конечно, продолжительное молчаніе со стороны тѣхъ, отъ кого можно было ожидать гласнаго заявленія въ защиту и оправданіе эсто-латышскаго духовенства Прибалтійскаго края, можно объяснить и сознаніемъ ничтожности пасквиля, написаннаго невѣжественной рукой и наполненнаго ложью и клеветою. Но такъ какъ всякое и злонамѣренное произведеніе, какъ бы оно ни было низко, нерѣдко вводитъ иныхъ въ заблужденіе, то мы находимъ и теперь не несвоевременнымъ въ интересахъ правды и русскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ приподнять немного завѣсу прошлаго рижской епархіи, чтобы указать какъ тотъ мутный источникъ, изъ котораго идутъ подобныя настоящему неосновательныя обвиненія на юное туземное духовенство рижской епархіи и его народность, и ихъ полную неосновательность, такъ равно и истинно «главныя и могущественнѣйшія причины» обратнаго движенія эстовъ и латышей въ лютеранство.

I.

Исторія уже выяснила, что существенно побудительной причиной принятія массами латышей и эстовъ православія въ сороковыхъ годахъ была потребность ихъ изстрадавшихъ

ся душъ утѣшиться и оживиться вѣрою, молитвою и благодатію, чего не давало имъ лютеранство, и желаніе найти въ православіи, какъ «вѣрѣ царской» и господствующей въ русскомъ государствѣ, защиту и облегченіе своего далеко незавиднаго внѣшняго положенія, причину чего они усматривали въ протестантствующемъ дворянствѣ и пасторахъ. Сперваго разу латыши и эсты надѣялись найти всю свою отраду въ православныхъ русскихъ пастыряхъ, которые, по мѣрѣ заявляемой ими потребности, къ нимъ являлись отъ имени правительства, а не мѣстнаго дворянства. Къ православнымъ русскимъ пастырямъ они стремились толпами, отъ нихъ просили вѣры, молитвы, благословенія, имъ повѣдали свое горе и отъ нихъ ждали защиты и ходатайства предъ правительствомъ. И надо сознаться, что въ русскихъ пастыряхъ они большею частію встрѣчали полное сочувствіе; но, къ сожалѣнію, сами пастыри мало могли помочь ихъ сугубой нуждѣ. Прискорбно, что въ пору религіознаго движенія между латышами и эстами, русская церковь не могла имъ дать приготовленныхъ и способныхъ пастырей. На дѣло присоединенія и на вновь открывавшіяся священнослужительскія мѣста въ Прибалтійскій край вызывались духовные воспитанники изъ разныхъ епархій Россіи, преимущественно псковской; они не имѣли никакихъ средствъ сближенія съ народомъ и пастырскаго вліянія на него ¹⁾. Не зная ни языка, ни правовъ и обычаевъ эстовъ и латышей, они не могли пастырскимъ словомъ доводить ихъ до пониманія и

¹⁾ Понятенъ былъ этотъ вызовъ священниковъ изъ другихъ епархій при введеніи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, но непонятнымъ сталъ онъ послѣ 1863 года и даже въ 70-хъ годахъ. Намъ лично извѣстны семь священниковъ, вызванныхъ изъ другихъ епархій послѣ 1863 г., и не умѣвшихъ даже читать на мѣстныхъ языкахъ, и при этомъ нѣкоторые изъ нихъ поступали на мѣста священниковъ изъ туземцевъ. Намъ приходилось быть свидѣтелями жалобъ народа по случаю назначенія такихъ священниковъ.

сознанія истины православія и до ощущенія сладости и силы молитвы православной церкви и возбудить въ нихъ въ достаточной степени воспримчивость благодати св. таинствъ. Въмѣсто катихизаціи и живой проповѣди, русскіе священники по необходимости ограничивались однимъ исполненіемъ обряда, и народъ, сдѣлавшійся по метрикамъ православнымъ, оставался въ душѣ неудовлетвореннымъ, по необходимости продолжалъ вѣровать, молиться и жить по лютерански и услаждаться въ храмахъ и дома обыкновеннымъ пѣніемъ лютеранскихъ гимновъ. Были, правда, избранники изъ молодыхъ русскихъ пастырей, которые налегли на изученіе языка и духовныхъ нуждъ доставшихся имъ прихожанъ и старались пастырскимъ словомъ внушить имъ понятія о православной вѣрѣ и нравственности, совершать понятную для нихъ и услаждающую ихъ души молитву и раскрывать имъ смыслъ св. таинствъ; такихъ трудолюбивыхъ пастырей изъ русскихъ людей народъ умѣлъ цѣнить и любить. Но такихъ пастырей было немного; въ большинствѣ случаевъ языкъ эстовъ и латышей русскимъ священникамъ давался весьма туго, не по своей трудности, — вѣдь особенно латышскій языкъ съ русскимъ языкомъ сроденъ — а потому, что самыя эти народности съ своими нравами и обычаями не пришлись русскимъ священникамъ по сердцу, не располагали ихъ къ труду и возможно-частому и искреннему обращенію съ своими прихожанами. Русскіе священники, возбудивъ своимъ появленіемъ въ краѣ энергическую дѣятельность въ лютеранскихъ проповѣдникахъ, сами довольствовались лишь совершеніемъ обряда церковнаго и чисто формальнымъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей, а пасомые терпѣливо мирились съ обстоятельствами и пробавлялись смѣсью лютеранскихъ и православныхъ религіозныхъ понятій, имѣя въ домахъ и кое-какія православныя книжки самаго плохаго

перевода и отправляя свои домашнія молитвы по лютеранскимъ молитво—и пѣснословамъ и сборникамъ лютеранскихъ проповѣдей. Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу своего служенія русскіе пастыри не слишкомъ и сознавали необходимость въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ знаніи того или другаго туземнаго языка, почему многіе даже изъ сельскихъ священниковъ, проживъ въ краѣ среди эстовъ и латышей свыше 30 лѣтъ и по сей день не навыкли выражаться достаточно понятно на языкѣ той или другой народности. Православному латышу и эсту бывало некому и поскорбѣть о своихъ неудовлетворенныхъ духовныхъ нуждахъ, потому что даже лица, въ рукахъ которыхъ находилась епархіальная власть и судъ, не знали ихъ языка и развѣ чрезъ посторонняго переводчика, если пожелали, могли узнать, зачѣмъ пришли какіе-то мужики. Сами же пришедшіе не всегда могли почерпнуть отъ нихъ въ достаточной мѣрѣ утѣшенія и назиданія; колодезь сей живой воды, можетъ быть, былъ и глубоокъ, и обиленъ, но не всегда былъ для латышей и эстовъ доступенъ. Понятно, что такое отношеніе русскихъ пастырей, на всѣхъ ступеняхъ ихъ служенія, къ духовнымъ нуждамъ православныхъ эстовъ и латышей не могло способствовать нравственному сближенію пастырей съ пасомыми, ихъ взаимной любви и довѣрію. Еще менѣе помощи православные русскіе пастыри могли оказать православнымъ латышамъ и эстамъ въ ихъ тяжкомъ житейскомъ и общественномъ быту, который изъ-за православія сдѣлался для нихъ еще болѣе стѣснительнымъ.

Православные хозяева удерживались болѣе въ казенныхъ имѣніяхъ и въ такихъ частныхъ, въ которыхъ или православные крестьяне составляли подавляющее большинство населенія или помѣщиками были люди, отличавшіеся вѣротерпимостію. Нечего и говорить, что принявшимъ православіе

латышамъ и эстамъ приходилось испытывать недружелюбное отношеніе къ нимъ всюду. Православные латыши и эсты терпѣли и ждали, не переимѣнятся ли обстоятельства къ лучшему.

Нечего говорить и о томъ, что авторитетъ православныхъ пастырей подрывала также скудная внѣшняя обстановка, въ какой они находились, живя въ старыхъ, разваливающихся базармахъ, корчмахъ, арендаторскихъ избахъ и даже винокурняхъ и не имѣя, въ силу мѣстнаго аграрнаго положенія, подчасъ возможности купить кормъ для домашняго скота. Были между русскими пастырями и такіе, которые и при своей внѣшней скудной обстановкѣ умѣли заслужить уваженіе своихъ прихожанъ и даже лютеранъ своими апостольскими добродѣтелями; но гораздо больше было такихъ, которые, при своей крайне бѣдной обстановкѣ, стали вести себя уже слишкомъ просто для иновѣрческаго, имѣющаго свои особенности, края. Отъ сознанія своего одиночества и униженія они какъ бы впадали въ уныніе, не въ мѣру поддавались нѣкоторымъ слабостямъ, особенно нетрезвости, и своимъ поведеніемъ унижали и себя, и свой санъ, и своихъ прихожанъ. Своей дурной славой, распространяемой въ формѣ анекдотовъ по епархіи, подобные «дѣятели пятидесятихъ годовъ» въ мнѣніи народа сильно пятнали честь своихъ товарищей, достойно проходившихъ свое служеніе и назидавшихъ своихъ прихожанъ жизнію и словомъ, отпечатлѣвали какъ въ латышской, такъ и эстской народности далеко несимпатичный и нелестный образъ русскаго священнослужителя и нерѣдко доводили православныхъ эстовъ и латышей до того, что они стали стыдиться своихъ пастырей предъ иновѣрцами и тяготиться ихъ пребываніемъ въ своей средѣ. Архивы архіерейской канцеляріи и консисторскій засвидѣтельствуютъ это.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ пра-

вославіе слабо проникало въ души латышей и эстовъ и слабо отражалось въ ихъ религіозно-правственной жизни—въ чествованіи православныхъ праздниковъ, почитаніи святыхъ угодниковъ и ихъ изображеній, постахъ, поклонахъ, поминовеніяхъ и проч. Вотъ почему ихъ русскіе пастыри, навывкшіе на родинѣ (въ общемъ справедливо) опредѣлять достоинства человѣка, какъ члена церкви, его усердіемъ къ исполненію ея обрядовъ, не будучи знакомы съ лучшими сторонами души эстовъ и латышей и не понимая, почему они такъ слабо осваиваются съ православными обычаями, питали по отношенію къ нимъ какое-то недовольство, недовѣріе, и даже презрѣніе. Отсутствіе взаимнаго довѣрія между пастырями и пасомыми переходило иногда въ явную неприязнь. Эту неприязнь иные изъ русскихъ переносили и на своихъ сотоварищей—первыхъ священниковъ изъ туземцевъ: Баллада, Михайлова, Сарнета, Колона, пользовавшихся уваженіемъ и любовью народа за сердечное отношеніе къ его духовнымъ нуждамъ и житейскому горю, умѣніе понять его и пастырски наставить и держать себя достойно своего сана. Эти, достопамятные въ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, эсто-латышскіе священники для иныхъ дѣлались предметомъ зависти и глумленія; относительно ихъ внушали недовѣріе епархіальной власти, которую заставляли смотрѣть на нихъ, какъ на священниковъ невольнѣ православныхъ и пригодныхъ въ краѣ, тогда какъ ими, наравнѣ съ нѣкоторыми вполне достойными сослуживцами ихъ изъ русскихъ, православіе среди латышей и эстовъ началось и сохраняло свое пламя. Вотъ гдѣ мутный источникъ и первые опыты той гордо-завистливой нелюбви къ духовенству эсто-латышскаго происхожденія, которая такъ некстати и въ такой неприглядной формѣ выразилась въ «Некрологѣ» преосвященнаго Филарета! Могли ли латыши и эсты не колебаться въ пра-

вославіи, когда нравственной мощи и устойчивости отъ самаго православія они получили мало, потому что мало были въ немъ наставлены и слишкомъ слабо прониклись сознаніемъ его истины и спасительности.

Сознавая недостаточность служенія и дѣятельности духовенства, отинуду призываемаго для распространенія и насажденія православной вѣры въ Прибалтійскомъ краѣ, при томъ безъ надлежащей подготовки и необходимыхъ къ тому средствъ—умный преосвященный Филаретъ I (впослѣдствіи Черниговскій) въ 1846 г. исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе и въ 1847 г. учредилъ въ г. Ригѣ эсто-латышское духовное училище, впослѣдствіи преобразованное въ семинарію, чтобы въ этомъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія приготовлялись священнослужители для Прибалтійскаго края преимущественно изъ дѣтей самихъ же эстовъ и латышей, вполне знающіе языкъ, нравы, общественный и домашній бытъ своихъ пасомыхъ. И какъ разъ къ тому времени (къ концу 50-хъ годовъ), когда православные эсты и латыши, перенесшіе въ своемъ новомъ исповѣданіи столько невзгодъ, стали въ немъ уже колебаться,—готовились выступить изъ семинаріи на поприще пастырскаго служенія ихъ сыновья, научно просвѣщенные истиною православія и сознательно проникшіеся его спасительностію. Это естественно должно было беспокоить мѣстныхъ недоброжелателей православія, такъ какъ они могли опасаться, что образованные священники изъ туземцевъ могутъ вновь расположить народъ въ пользу православія. Съ другой стороны и сами радѣтели православія допустили ошибку, которая, впрочемъ, впослѣдствіи была исправлена. Доселѣ достаточно полно не выяснены побужденія, по которымъ, прежде чѣмъ хоть одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи изъ туземцевъ успѣлъ перешагнуть семинарскій порогъ и надѣть рясу, вмѣсто привѣта и

благожеланія со стороны русскаго духовенства, въ 1857 г. послѣдовало извѣстное представленіе оберъ прокурору Св. Синода о томъ, что доступъ въ семинарію дѣтямъ изъ крестьянъ эстовъ и латышей, якобы въ интересахъ православія, слѣдовало бы закрыть, каковое распоряженіе и воспослѣдовало въ 1859 году.¹⁾

¹⁾ Представленіе этого въ „Некрологѣ“ приводится въ слѣдующемъ видѣ: „Необходимо сократить наборъ воспитанниковъ въ рижскую семинарію изъ крестьянскихъ дѣтей... Имѣтъ въ семинаріи большое число такихъ воспитанниковъ не только нѣтъ нужды, тѣмъ паче, что дѣти духовныхъ, съ малолѣтства изучая мѣстные языки, въ родительскихъ домахъ, также хорошо знаютъ оныя, какъ и природные эсты и латыши, но отчасти и вредно, потому что многіе изъ крестьянскихъ дѣтей, даже послѣ долголѣтняго образованія въ семинаріи, сохраняютъ въ себѣ *грубость и наклонность къ порокамъ, свойственнымъ латышамъ и эстамъ*; а когда они поступаютъ на священно-церковнослужительскія должности, то едвали будутъ пользоваться уваженіемъ мѣстныхъ жителей, которые по всей вѣроятности, будутъ презирать ихъ, какъ крестьянскихъ дѣтей, и можетъ быть, съ насмѣшкою станутъ указывать на отцевъ и родственниковъ, живущихъ въ рабочемъ состояніи“ (стр. 8 и 9).

Что высокопреосвященный Платонъ допустилъ эту ошибку не по собственному почину и мотивировалъ свое ходатайство не собственнымъ предубѣжденіемъ противъ эстовъ и латышей и ихъ сыновей—питомцевъ рижской семинаріи,—въ этомъ мы рѣшительно убѣждаемся вотъ чѣмъ: При дѣлѣ о непринятіи латышей и эстовъ въ семинарію сохранился рапортъ одного русскаго пастыря почти тождественный съ приведеннымъ въ „Некрологѣ“ представленіемъ высокопреосвященнаго Платона и, значитъ, мотивировавший его содержаніе и вошедшій въ него цѣликомъ. Ни до, ни послѣ этого представленія высокопреосвященный Платонъ не уличалъ эстовъ и латышей въ порокахъ, имъ однимъ свойственныхъ, ни въ проповѣдяхъ, ни въ своихъ извѣстныхъ „архипастырскихъ посланіяхъ латышскому и эстскому народамъ“, ни въ лицѣ воспитанниковъ рижской семинаріи изъ эстовъ и латышей въ заведеніи и послѣ—на священнослужительскихъ мѣстахъ. Не самъ ли онъ разсматривалъ и утверждалъ журналы семинарскаго правленія объ аттестаціи, переводахъ и размѣщеніи учениковъ и не самъ ли производилъ имъ экзамены? Не съ его ли вѣдома и утвержденія преимущественно латыши и эсты занимали мѣста въ первомъ разрядѣ воспитанниковъ во всѣхъ классахъ и очень часто оканчивали курсъ первыми съ лучшими аттестатами по успѣхамъ и поведенію, не смотря на то, что корпорація семинарскихъ наставниковъ, съ ректоромъ и инспекторомъ во главѣ, въ то время состояла исключительно изъ природныхъ русскихъ пе-

Но въ 1866 году вновь послѣдовало Высочайшее повелѣніе о приѣмѣ эстовъ и латышей въ семинарію. Какую роль играло тогдашнее духовенство рижской епархіи въ дѣлѣ прекращенія приѣма въ духовно-учебныя заведенія этой епархіи крестьянскихъ дѣтей эсто-латышскаго происхожденія, на это проливаетъ значительный свѣтъ ревизовавшій эти заведенія въ 1872 г. г. Зинченко. Въ своемъ отчетѣ объ этой ревизіи онъ съ замѣчательною правдивостію и глубокимъ пониманіемъ дѣла, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «Въ Прибалтійскомъ краѣ, для утвержденія въ вѣрѣ перешедшихъ изъ лютеранства въ Православіе эстовъ и латышей, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, признано было необходимымъ образовывать духовенство изъ самихъ же эстовъ и латышей. Высочайшимъ повелѣніемъ,

дагоговъ? Не наглядное ли это доказательство того, что въ воспитанникахъ семинаріи туземнаго происхожденія никакихъ, имъ только свойственныхъ пороковъ и грубостей не замѣчалось? Что высокопреосвященный самъ лично не видѣлъ въ воспитанникахъ семинаріи изъ эстовъ и латышей никакихъ особыхъ пороковъ и грубостей, это видно и изъ того, что онъ охотно выдавалъ своихъ родственницъ за туземныхъ воспитанниковъ семинаріи изъ перваго же ея курса. Не уличаютъ эстовъ и латышей въ особѣхъ, имъ однимъ свойственныхъ, порокахъ и другіе православные и иновѣрные проповѣдники и педагоги,—между тѣмъ какъ исторіей и современною печатью нравственность этихъ двухъ народностей признается ничуть не ниже нравственности самой русской націи. Далѣе, аргументомъ представленія противъ приѣма въ семинарію дѣтей эстовъ и латышей—было заявленіе, что они „въ священно-церковнослужительскомъ санѣ не будутъ уважаемы, а презираемы жителями“. Самое человѣческое чувство справедливости внушаетъ не презрѣніе, а уваженіе къ лицу, которое своими добрыми качествами возвысилось изъ ничтожества до почетнаго званія. На какомъ основаніи латышу или эсту отказывать въ этомъ общечеловѣческомъ чувствѣ и предполагать что онъ сталъ бы иначе относиться къ сыну своего родича? Считаемо нужнымъ еще присовокупить, что выраженное въ представленіи предположеніе касательно знанія мѣстныхъ языковъ дѣтьми русскаго духовенства оправдалось не на всѣхъ священно-церковнослужительскихъ сыновьяхъ тѣхъ курсовъ семинаріи, въ которыхъ уже не было ни эстовъ, ни латышей; нѣкоторые изъ нихъ оканчивали курсъ и поступали на мѣста съ очень недостаточнымъ знаніемъ туземнаго языка.

послѣдовавшимъ 11-го февраля 1846 года, велѣно было обучать въ каждомъ классѣ открываемой въ Ригѣ семинаріи на казенный счетъ, на ряду съ 10 казеннокоштными воспитанниками изъ русскихъ, по 10 эстовъ и по 10 латышей изъ крестьянъ. При раздѣленіи семинаріи на два учебныя заведенія, въ 1870 году, причемъ изъ первыхъ двухъ классовъ оной образовано духовное училище, повторено было Высочайшее повелѣніе 30 мая 1869-го года, о томъ, чтобы двѣ трети казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ этомъ училищѣ непременно были изъ эстовъ и латышей.

Въ виду такихъ Высочайшихъ повелѣній, естественно ожидать, что въ личномъ составѣ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній рижской епархіи преобладающій элементъ будетъ эсто-латышскій, а не русскій. На самомъ же дѣлѣ, во время моей ревизіи, въ рижской семинаріи воспитанниковъ русскаго происхожденія состояло 46 человекъ, латышей 10, а эстовъ 5; въ рижскомъ духовномъ училищѣ — русскихъ 70, латышей 14 и эстовъ 13. Такимъ образомъ, изъ 168 воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній рижской епархіи, не русской народности было всего 42 воспитанника. Изъ нихъ, на казенномъ содержаніи въ нисшемъ отдѣленіи семинаріи латышей 9, а эстовъ 5, въ среднемъ и высшемъ отдѣленіи ни одного латыша и ни одного эста; въ духовномъ училищѣ: въ 1-мъ, классѣ изъ 33 казеннокоштныхъ, латышей 8, эстовъ 6; во 2-мъ классѣ, изъ 27 казеннокоштныхъ, латышей 6, а эстовъ 7.

Въ виду такого несоотвѣтствія положенія дѣла Высочайшимъ повелѣніямъ, я счелъ своею обязанностію обратить вниманіе на причины такого явленія. Ознакомившись съ журналовъ училищнаго и семинарскаго Правленій и протоколовъ засѣданій съѣздовъ духовенства этой епархіи, а также нѣ-

которыхъ дѣлъ, хранящихся въ семинарскомъ архивѣ, я убѣдился, что *главнѣйшею причиною такого положенія этого дѣла служитъ измѣняя заботливость русскаго духовенства Прибалтійскаго края о своихъ сословныхъ интересахъ*. Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ составилось у меня такое убѣжденіе.

Не успѣло вступить на служеніе Православной церкви поколѣніе эстовъ и латышей, призванное Высочайшею волею (11 февраля 1846 года) къ подготовленію для этого званія путемъ образованія, какъ преосвященный П. архіепископъ рижскій заявилъ предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода объ ожидаемомъ отъ нихъ вредѣ для церкви, а *главное о томъ, что сословные интересы русскаго по происхожденію духовенства Прибалтійскаго края пострадаютъ съ допущеніемъ эстовъ и латышей къ священническимъ должностямъ*. «Необходимо, писалъ онъ къ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода (9 сентября 1857 года за № 414), сократить наборъ воспитанниковъ въ рижскую семинарію изъ мѣстныхъ крестьянскихъ дѣтей, и, вмѣсто того, чтобы принимать ихъ наравнѣ съ духовными дѣтьми по 10 человекъ въ каждый классъ семинаріи, какъ дѣлается нынѣ, нужно постановить, чтобы они допускались къ ученію въ семинаріи въ томъ случаѣ, когда будетъ недостатокъ въ духовныхъ дѣтяхъ, и въ такомъ количествѣ, какое потребуется для восполненія опредѣленнаго числа воспитанниковъ въ семинаріи. т. е. по 20 человекъ въ каждый классъ. Сдѣлать также постановленіе нужно потому, что число дѣтей у духовенства рижской епархіи постепенно возрастаетъ, и нынѣ оказывается, что для нихъ недостаточно 10 казеннокоштныхъ вакансій, назначенныхъ имъ въ рижской семинаріи, а требовать, чтобы отцы тѣхъ духовныхъ дѣтей, которые не могутъ поступить на сіи вакансіи, за недостаткомъ оныхъ, уплачивали за со-

держаніе ихъ въ семинаріи опредѣленную сумму, 85 руб. сер. въ годъ, тогда какъ дѣти латышей и эстовъ пользуются въ ней казеннымъ содержаніемъ, сколько не благовидно, столько же и обидно для священно церковно служителей, въ особенности для тѣхъ, которые бѣдны, обременены семействомъ и усердно служатъ св. церкви. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ священниковъ, коихъ дѣти не могли быть приняты нынѣ въ семинарію на казенное содержаніе, со слезами жаловались мнѣ, что имъ предпочитаютъ эстовъ и латышей, хотя сіи крестьяне и недостойны той милости, какою пользуются ихъ дѣти. Притомъ не только нѣтъ нужды имѣть въ семинаріи большое число воспитанниковъ изъ крестьянскихъ дѣтей, тѣмъ паче, что дѣти духовныхъ, съ малолѣтства изучая мѣстные языки въ родительскихъ домахъ, также хорошо знаютъ оныя при поступленіи въ семинарію, какъ и природныя эсты и латыши, но отчасти и вредно, потому что многіе изъ крестьянскихъ дѣтей, даже послѣ долготѣшняго образованія въ семинаріи, сохраняютъ въ себѣ грубость и склонность къ порокамъ, свойственнымъ латышамъ и эстамъ; а когда они поступаютъ на священническія должности, то едвали будутъ пользоваться уваженіемъ мѣстныхъ жителей, которые, по всей вѣроятности, будутъ презирать ихъ какъ крестьянскихъ дѣтей, и можетъ быть, съ насмѣшкою станутъ указывать на ихъ отцевъ и родственниковъ, живущихъ въ рабочемъ состояніи». Вмѣстѣ съ этимъ преосвященный, между прочимъ, просилъ *«дозволить, чтобы въ Рижскую семинарію принимались бы дѣти съ 10 и даже 9 лѣтъ до 13 лѣтъ возраста, потому что многіе священно-церковно-служители, въ особенности же бѣдныя вдовы, очень затрудняются содержать у себя дѣтей съ 11 лѣтъ и не имѣютъ возможности надлежаще обучать ихъ въ домахъ своихъ до этого возраста; дѣти же навываютъ къ праздности и шалостямъ»*. Такія представленія преосвящен-

наго П. были уважены, и Высочайшее соизволеніе, отъ 4 марта 1858 года, на приведеніе ихъ въ исполненіе, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что крестьянскимъ дѣтямъ эстовъ и латышей закрыть былъ входъ въ рижскую семинарію. Послѣдствія этой мѣры въ Рижской семинаріи можно видѣть и до настоящаго времени. Всѣ воспитанники высшаго и средняго отдѣленій семинаріи, какъ поступившіе послѣ 1858 года, чисто русскіе: ни одного латыша или эста. Насколько оправдались опасенія преосвященнаго П. относительно эстовъ и латышей, поступившихъ по окончаніи курса семинаріи на священническія мѣста, это мнѣ неизвѣстно, но что *многіе изъ нихъ оказались достойными Высочайшей милости—это фактъ*: нынѣшнее начальство рижской семинаріи и рижскаго духовнаго училища, а также нѣсколько наставниковъ семинаріи принадлежатъ къ числу тѣхъ эстовъ и латышей, кои поступили въ рижскую семинарію до 1857 года и, окончивъ въ ней курсъ, посланы были въ духовныя академіи и нынѣ служатъ Православной Церкви въ качествѣ воспитателей и наставниковъ духовнаго и крестьянскаго юношества Прибалтійскаго края. *Можно думать, что опасенія преосвященнаго П. и относительно окончившихъ курсъ семинарскаго обученія латышей и эстовъ, поступившихъ на священническія мѣста въ Прибалтійскомъ краѣ, не оправдались*. По крайней мѣрѣ, Святѣйшій Синодъ, въ 1866 году, призналъ необходимымъ принять надлежащія мѣры къ приведенію рижской семинаріи въ положеніе болѣе соответствующее какъ цѣли, которая имѣлась въ виду при учрежденіи сего заведенія, такъ и мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ епархіи, почему и испрошено было, 6-го апрѣля того года, Высочайшее соизволеніе на приемъ воспитанниковъ изъ туземцевъ, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы одна треть казенно-коштныхъ воспитанниковъ состояла изъ дѣтей мѣстнаго ду-

ся тѣ и другіе на пріемныя въ училищѣ испытанія, то первые, очевидно, окажутся лучшими послѣднихъ, и Правленіе, засчитавъ за ними вакансіи, отдѣленные Высочайшею волею для эстовъ и латышей, тѣмъ самымъ лишитъ казенныхъ вакансій дѣтей крестьянскихъ, тоже можетъ быть, выдержавшихъ экзаменъ, но не такъ удовлетворительно, какъ священноцерковнослужительскія дѣти латышей и эстовъ и крестьяне, какъ крайніе бѣдняки (батраки, большею частію), не могущіе на свой счетъ воспитывать своихъ дѣтей, должны будутъ возвратиться съ ними домой. Ректоръ семинаріи, протоіерей Д., обозрѣвавшій рижское духовное училище въ 18^{71/72} учебномъ году, обратилъ на это вниманіе и, въ отчетѣ о своей ревизіи, отмѣтилъ такое уклоненіе отъ Высочайшей воли. Но рижское семинарское правленіе, на разсмотрѣніе котораго поступилъ этотъ отчетъ, нашло справедливымъ казеннокоштные вакансіи, назначенныя Высочайшею волею для дѣтей эстовъ и латышей, если почему нибудь не будутъ заняты, замѣщать достойнѣйшими *изъ всѣхъ сословій* (Журн. пед. собр. 1872 г. 4 сент. за № 15). вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ депутатовъ духовенства рижской епархіи, въ маѣ 1872 года, между прочимъ, постановилъ (17 мая, пунктъ 5), чтобы, при опредѣленіи въ училище дѣтей эстовъ и латышей, такъ какъ они являются въ неопрятной одеждѣ, представляемо было вмѣстѣ съ ними по 3 рубашки и 3 подштанниковъ, по 3 полотенца, по 3 нитяныхъ носковъ, по 3 холщевыхъ бѣлыхъ платка, по 1 парѣ крѣпкихъ сапогъ, суконный картузь, галстукъ, жилетъ съ глухимъ воротникомъ, одни брюки и одно верхнее платье сюртукъ или пальто. Такое постановленіе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что ревизоромъ замѣчены были на нѣкоторыхъ воспитанникахъ училища изъ крестьянскихъ вновь поступившихъ дѣтей наскромныя, обыкновенно появляющіеся на лицахъ не часто мѣняющихъ бѣлье.

Сопоставивъ все вышеизложенное, нельзя не видѣть, что такіе порядки, повидимому, неизбѣжны и мало, повидимому, имѣющіе отношенія къ Высочайшему повелѣнію о предоставленіи двухъ третей казенныхъ вакансій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ рижской епархіи крестьянскимъ дѣтямъ изъ эстовъ и латышей, могутъ совершенно закрыть этимъ бѣднякамъ входъ въ названныя заведенія, и, только другимъ путемъ, будетъ достигаться та-же цѣль, къ которой стремился преосвященный рижскій П. Конечно, несвоевременный вызовъ въ духовное училище крестьянскихъ мальчиковъ можетъ быть приписанъ нераспорядительности, но эта нераспорядительность можетъ повторяться и впредь, и на экзаменъ будетъ являться незначительное число изъ ближайшихъ къ Ригѣ мѣстностей крестьянскихъ дѣтей, изъ которыхъ нельзя будетъ сдѣлать надлежащаго выбора способнѣйшихъ и вполне подготовленныхъ мальчиковъ. Кромѣ того крестьянскія дѣти, не имѣя возможности такъ хорошо подготовиться, какъ дѣти духовенства изъ эстовъ и латышей, должны будутъ, при вышеизъясненномъ пониманіи Высочайшаго повелѣнія отъ 30 мая 1869 года, лишиться казенныхъ вакансій, несправедливо отданныхъ послѣднимъ. За тѣмъ, если бы они озаботились и способнѣйшими и болѣе подготовленными къ училищному курсу, нежели дѣти эсто-латышскаго духовенства, преградою къ поступленію въ училище можетъ служить невозможность, по бѣдности, выполнить несправедливое требованіе съѣзда духовенства отъ 17 мая 1872 года, въ силу котораго эти неопрятные и нерѣдко покрытые наскромными дѣти должны являться въ училищѣ съ годовымъ запасомъ бѣлья, съ крѣпкою обувью и въ приличной верхней одеждѣ».

Мы не напрасно сдѣлали такую длинную выдержку изъ отчета ревизора Зинченко: во 1-хъ, она обнаруживаетъ и свидѣтельствуетъ, что причиною незначительнаго количества

воспитанниковъ семинаріи изъ эстовъ и латышей за отчетный періодъ и, ранѣе того, совершенно прекращеніе приѣма ихъ въ семинарію, была главнымъ образомъ «излишняя заботливость русскаго духовенства Прибалтійскаго края о своихъ сословныхъ интересахъ». Во 2-хъ, г. Зинченко констатируетъ фактъ правоспособности крестьянскихъ дѣтей изъ эстовъ и латышей быть воспитанниками семинаріи, свидѣтельствуя объ успѣшности изученія ими предметовъ семинарскаго обученія. Въ 3-хъ, г. ревизоръ свидѣтельствуется о пригодности лицъ эсто-латышскаго происхожденія для служенія дѣлу православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Кромѣ того, отсюда же явствуется, что авторы «Некролога» изъ этого же отчета злонамѣренно выбирали только то, что отвѣчало ихъ цѣлямъ и старанію прикрыть авторитетомъ ревизорскаго отчета свои предвзятые недобрыя мысли относительно рижской семинаріи и эсто-латышскаго духовенства и намѣренно скрыли то, что, по мнѣнію ревизора, служило главною причиною прекращенія приѣма эстовъ и латышей въ семинарію.

II.

Въ «Некрологѣ» говорится: «Поставивъ вопросъ о причинахъ все усиливающагося упадка православія въ Прибалтійскомъ краѣ, преосвященный Филаретъ II сталъ искать этихъ причинъ въ духѣ и характерѣ дѣятельности духовенства... Въ средѣ мѣстнаго духовенства ему приходилось встрѣчать не только легкость поведенія, но даже невнимательность въ исполненіи своего прямого долга и назначенія, поверхностное и небрежительное отношеніе къ обрядамъ и постановленіямъ православной церкви, ложное и легкомысленное пониманіе ея учреждений и даже самого ученія и многое другое»... (стр. 10). Либерализмъ составляетъ характерную черту мѣстнаго духовенства (стр. 12). Въ виду всего этого почившій архипастырь пришелъ къ глубокому убѣжденію, что, если православіе и держится въ этомъ краѣ, то благодаря только дѣтелямъ пятидесятихъ годовъ; новый же приливъ силъ мѣстнаго происхожденія скорѣе можетъ разрушать это дѣло, чѣмъ созидать (стр. 10).

Вотъ главный обвинительный пунктъ противъ туземнаго духовенства рижской епархіи, составленный уже самимъ авторомъ «Некролога» будто на основаніи архіерейскаго опыта и словъ покойнаго преосвященнаго Филарета и касающійся уже служенія означеннаго духовенства въ епархіальномъ вѣдомствѣ.

Но, во первыхъ, въ легкости поведенія, даже въ крупныхъ опущеніяхъ по исполненію прямыхъ пастырскихъ обязанностей, небрежительномъ отношеніи не только къ обрядамъ и постановленіямъ, но даже къ таинствамъ церкви и при преосвященномъ Филаретѣ II были уличаемы и даже судебнымъ порядкомъ обвиняемы нѣкоторые духовныя лица вовсе не туземнаго происхожденія, почему и были подвергаемы запрещенію или отчислены въ заштатъ ¹⁾, отчего Богъ миловалъ по настоящее время священниковъ изъ эстовъ и латышей. Во вторыхъ, «Некрологъ» увѣряетъ, что будто бы либерализмъ составляетъ характерную черту туземнаго духовенства и объясняетъ это тѣмъ, что семинаріей управляло лицо латышскаго происхожденія. На это нужно замѣтить, что лишь въ «послѣднее десятилѣтіе» рижская семинарія состояла подъ управленіемъ «лица латышскаго происхожденія; при инспекторѣ и двухъ-трехъ наставникахъ изъ эстовъ. До того же времени около четверти столѣтія (духовное училище, которымъ началась семинарія, открыто въ 1847 г.) ректорами, инспекторами и наставниками этого разсадника духовнаго просвѣщенія края были исключительно природные русскіе педагоги, съ самимъ архипастыремъ во главѣ, такъ какъ подъ его ближайшимъ контролемъ находилась семинарія. Исключительно изъ подъ ихъ педагогическаго крыла выходили кандидаты священства изъ эстовъ и латышей съ 1857 г. по 1869 г., вышелъ и позднѣйшій ректоръ латышскаго происхожденія, и инспекторъ, и наставники—эсты. А такъ какъ съ 1859 г. по 1867 г., для эстовъ и латышей доступъ въ семинарію былъ закрытъ и, слѣдовательно, съ 1869 г. по 1877 г., изъ нея выходили

¹⁾ Покойнымъ Преосвященнымъ были лишены мѣстъ 6 священниковъ русскаго происхожденія, за неодобрительное поведение и небрежное отношеніе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ.

исключительно дѣти священно-церковно служителей, то состоящіе на епархіальной и училищной службѣ воспитанники рижской семинаріи изъ эстовъ и латышей, вышедшіе изъ нея до того времени, оказываются воспитанниками природныхъ русскіхъ педагоговъ и выступили изъ семинаріи съ ихъ религіознымъ закаломъ. Если бы они и въ самомъ дѣлѣ оказались вольнодумцами, людьми неправославныхъ убѣжденій, то на кого бы падала первая и главная вина въ этомъ, если не на ихъ воспитателей? Не оказывались ли бы крестьянскія дѣти эстовъ и латышей, взятые отъ стада простодушно вѣрующими, а изъ семинаріи выпущенныя взрослыми вольнодумцами и еретиками, въ положеніи евангельскихъ «малыхъ», а ихъ воспитатели предъ судомъ Христовымъ въ положеніи ихъ «соблазнитель?» Но, благодареніе Богу, они не таковы. Авторъ «Некролога» говоритъ ложь и говоритъ свое, а не слышанное имъ отъ покойнаго архипастыря. Воспитанники семинаріи изъ эстовъ и латышей, оканчивая курсъ, поступали въ среду русскаго духовенства, которое всегда за ними зорко слѣдило. Если-бы оно замѣчало въ нихъ какія нибудь неправославныя убѣжденія и малѣйшее пренебреженіе къ обрядамъ и постановленіямъ церкви, то оно навѣрно давно открыло бы это, кому слѣдуетъ. Но, надѣмся, архивы архіерейской канцеляріи и консисторскій засвидѣтельствуютъ, что почти всѣ молодые священники изъ латышей и эстовъ страдали совсѣмъ противоположнымъ недостаткомъ, именно, слишкомъ острою полемикою противъ лютеранства, на которую поступали неоднократно жалобы бывшимъ преосвященнымъ отъ лютеранскаго духовенства и даже отъ своихъ же благочинныхъ, что свидѣтельствуется не объ упадкѣ, а о строгости догматизма и горячности религіознаго чувства въ питомцахъ рижской семинаріи изъ латышей и эстовъ. Когда въ 1865 году отъ Пре-

освященнаго чрезъ Консисторію священниками было получено извѣстное секретное предписаніе вѣнчать смѣшанные браки не только безъ подписокъ, что дѣти отъ нихъ будутъ крещены въ православіе, но и при всѣхъ данныхъ, что дѣти отъ нихъ будутъ лютеранами, чья совѣсть заговорила сильнѣе, если не совѣсть священниковъ изъ эстовъ и латышей? Архивъ архіереской канцеляріи хранитъ для исторіи православія края ихъ рапорты епархіальному начальству, писанные не чернилами, а слезами о поправіи вѣковыхъ правилъ вселенской и російской церкви, изъ каковыхъ рапортовъ нѣкоторые уже цѣликомъ вошли въ брошюры Ю. О. Самарина, на ряду съ запискою латыша о времени и обстоятельствахъ присоединенія эстовъ и латышей, писанною священникомъ изъ латышей и дышащей безпредѣльною любовью къ святой православной церкви и безграничнымъ горемъ о поправіи ея правъ. О чемъ свидѣлствуютъ подобные документы, если не о томъ, что юное прибалтійское духовенство эстскаго и латышскаго происхожденія всею душою предано ученію и интересамъ православія. Въ третьихъ, если бы хулители эсто-латышскаго духовенства повнимательнѣе заглянули въ церкви, гдѣ божественная служба совершается священникомъ туземцемъ и обратили вниманіе на количество молящихся и слушающихъ слово Божіе изъ устъ священника эста или латыша, то вѣроятно не рѣшились бы бросить камень на священнослужителей усиленно трудящихся надъ исполненіемъ своихъ обязанностей, обвиняя ихъ въ небрежности къ священнымъ установленіямъ церковнымъ. Есть въ рижской епархіи благочиніе, куда благочиннымъ не принимались священники туземцы (въ прошломъ году перемѣщенъ туда первый священникъ изъ туземцевъ); справьтесь добросовѣстно, и вы увидите, что состояніе православія въ этомъ благочиніи (оно самое большое въ епархіи) въ высшей степени

безотрадное. Сознаніе самаго народа лучше всего свидѣлствуетъ объ отношеніяхъ туземнаго духовенства къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей. Мы не знаемъ примѣра, чтобы на мѣсто священника латыша или эста просили русскаго, за то о замѣнѣ священниковъ русскихъ эстами и латышами они архіереевъ просили нерѣдко, хотя существуютъ и такіе русскіе пастыри, которыми они очень дорожатъ. Бывали даже случаи, что еще до окончанія извѣстными воспитанниками-латышами или эстами семинарскаго курса, уже поступали епархіальному начальству прошенія о назначеніи ихъ въ священники. Въ четвертыхъ, священники изъ латышей и эстовъ пользовались заслуженнымъ вниманіемъ всѣхъ бывшихъ архипастырей, не смотря на то, что нѣкоторые вліятельныя лица въ духовной администраціи не пропускали случая выставять ихъ въ дурномъ свѣтѣ предъ епархіальнымъ начальствомъ. Высокопреосвященный Платонъ до своего перемѣщенія на Донъ успѣлъ наградить болѣе выдающихся изъ нихъ свидѣтельствами о своихъ благословеніяхъ, набедренниками и скуфьями. Блаженной памяти преосвященный Веніаминъ любилъ ихъ какъ своихъ питомцевъ и дѣтей. Въ своихъ представленіяхъ о наградахъ не дѣлалъ различія между ними и русскими священниками и преосвященный Серафимъ. А покойный преосвященный Филаретъ, съ самаго начала и до конца своего четырехлѣтняго управленія рижскою епархіею, болѣе выдающихся изъ священниковъ эстскаго и латышскаго происхожденія отличалъ самымъ лестнымъ вниманіемъ. Восемь-рыхъ изъ нихъ за отличія перевелъ на болѣе видныя мѣста въ города, двухъ (одного эста, другого латыша) сдѣлалъ членами Консисторіи, троихъ утвердилъ въ должности благочинныхъ и почти предъ самою смертію своею священника эста возвелъ въ санъ протоіерея. Оставлять безъ взы-

сканія и тѣмъ болѣе повышать и награждать священнослужителей съ «грѣшками», за которые, по словамъ автора «Некролога», имъ слѣдовало бы «жестоко поплатиться» (стр. 16), будь эти лица мѣстнаго или не мѣстнаго происхожденія, покойный преосвященный не могъ по своей неподкупной архипастырской совѣсти и своему строго-правдивому характеру. Говорить съ авторомъ «Некролога» противное, это уже не похвала, а клеймо на почившаго архипастыря. Въ пятыхъ, самъ авторъ «Некролога» на 18 страницъ говорить въ пользу духовенства изъ латышей и эстовъ. Говоря о ходатайствахъ преосвященного Филарета касательно увеличенія казеннокоштныхъ вакансій въ рижской семинаріи съ 33 до 60, авторъ пишетъ, что «для рижской епархіи оказывалось необходимымъ не только удержать, но и увеличить число эстовъ и латышей, получающихъ въ рижскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ научную подготовку къ занятію священнослужительскихъ мѣстъ въ эсто-латышскихъ приходахъ». Значить, почившій преосвященный Филаретъ не могъ говорить, что «приливъ силъ мѣстнаго происхожденія разрушаетъ дѣло православія въ краѣ». Изъ этого очевидно, что «Некрологъ» перевираетъ взгляды и намѣренія покойнаго преосвященного ¹⁾. Мы не хотимъ сказать, что

¹⁾ Въ «Некрологѣ» есть кляуза, замѣчательная по своей наглости; въ немъ говорится слѣдующее: «Замѣчательно, что даже тѣ духовныя лица мѣстнаго происхожденія, которыя получили высшее духовное богословское образованіе, не чужды были духа либерализма въ дѣлахъ религіи. Исполненные тонкаго пренебреженія отзывы о православіи, въ родѣ того, что православіе—«это фотіевщина», истолкованіе Евангельскихъ заповѣдей въ духѣ не соотвѣтствующемъ существу дѣла, въ родѣ того, что «любовь къ врагамъ немыслима», фальшивое объясненіе учрежденій церкви, въ родѣ того, что «епископство, не имѣетъ божественнаго происхожденія»—вотъ тѣ черты, съ которыми выступаютъ эти лица. Положимъ, что это либерализмъ тонкій и научный, но за то тѣмъ гибельнѣе онъ дѣйствовалъ, предлагаясь юнымъ умамъ питомцевъ... (10 стр.). Въ разборъ подобныхъ кляузъ мы не станемъ входить тѣмъ болѣе, что намъ неизвѣстно, противъ кого лич-

нынѣшніе священники Прибалтійскаго края туземнаго происхожденія представляютъ верхъ совершенства и чужды недостатковъ. Старая истина, что на землѣ нѣтъ совершенства, поэтому обо всемъ приходится судить относительно. Мы хотѣли только обратить вниманіе на недобросовѣстность авторовъ «Некролога», усматривающихъ одни лишь недостатки въ эсто-латышскомъ духовенствѣ и унижающихъ его предъ остальными его сослуживцами. Мы отъ души желали бы всему прибалтійскому духовенству безъ различія племенъ стоять на высотѣ своего призванія; этого же мы желали бы прежде всего и по отношенію къ авторамъ «Некролога», зарекомендовавшимъ себя въ означенной брошюрѣ отсутствіемъ братолюбія и клеветничествомъ. Мы надѣемся, что и для православныхъ эстовъ и латышей было бы весьма желательно, чтобы эти господа стояли, если не вполне, то, по крайней мѣрѣ, на сколько нибудь замѣтной высотѣ своего призванія, припоминая при этомъ вполне примѣнимыя къ нимъ слова Спасителя: «Что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь?» (Лук. VI, 41).

но онѣ направлены. Мы вполне убѣждены, что по отношенію къ эсто-латышскому духовенству онѣ составляютъ частію злостную выдумку, частію же не менѣе злостнѣе перетолкованіе случайныхъ выраженій того или другаго лица.

III.

Обратимся теперь къ пункту обвиненій, специально направленному противъ рижской духовной семинаріи и противъ лицъ эсто-латышскаго происхожденія, состоящихъ на духовной училищной службѣ. Въ «Некрологѣ» говорится: «Въ особенности много труда, заботъ и огорченій стоила почившему архипастырю рижская духовная семинарія, которая была и навсегда останется разсадникомъ мѣстнаго духовенства. Состояніе этой семинаріи, находившейся въ послѣднее десятилѣтіе подъ управленіемъ лица латышскаго происхожденія, оказалось далеко неутѣшительнымъ, если не сказать болѣе. Въ этотъ періодъ времени она испытала четыре ревизіи и замѣчательно—ни одинъ изъ ревизоровъ не помянулъ ее добрымъ словомъ. Не всегда оказывалась удовлетворительною въ ней учебная сторона. По крайней мѣрѣ, ревизоръ Керскій, посѣтившій семинарію въ 1878 г., въ своемъ отчетѣ Учебному Комитету, между прочимъ, доложилъ, что «учебная часть въ рижской семинаріи находится въ состояніи не-вполнѣ удовлетворительномъ». Что же касается воспитательной стороны, то она всегда и всеми признавалась неудовлетворительною. Въ практикѣ семинарскаго воспитанія господствовалъ тотъ духъ либерализма, который составляетъ характерную черту мѣстнаго духовенства, и который въ данномъ случаѣ выразился въ формѣ ложнаго гуманизма и

фамиллярничанія по отношенію къ воспитанникамъ. Начальство обыкновенно старалось не чернить учениковъ, т. е. не записывать проступковъ ихъ и въ особенности не доводить о томъ до свѣдѣнія Правленія, считая это нечестивымъ вынесеніемъ грязи наружу; если представлялась необходимость донести Правленію, то принимались все мѣры къ тому, чтобы сгладить силу впечатлѣнія и ослабить виновность. Въ силу этого въ стѣнахъ семинаріи спокойно оставались такіе ученики, которые давнымъ давно должны бы были строго наказаны или даже и уволены, и которые своей безнаказанностью располагали и другихъ къ подобнымъ же проступкамъ. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что религіозно-нравственное состояніе рижскихъ семинаристовъ являлось въ свѣтѣ далеко невыгодномъ»... (стр. 12).

И такъ, по показанію составителей «Некролога», при вступленіи покойнаго преосвященнаго Филарета II въ рижскую епархію, разсадникъ ея пастырей—мѣстная духовная семинарія—представилась ему болѣе, чѣмъ въ неудовлетворительномъ религіозно-нравственномъ состояніи, потому что въ послѣднее десятилѣтіе она находилась подъ управленіемъ лица «латышскаго происхожденія», человека свободныхъ и слабыхъ религіозныхъ убѣжденій распустившаго своихъ питомцевъ ложнымъ гуманизмомъ и фамиллярничаньемъ.—Дѣйствительно рижская семинарія была ревизована въ 1872 г. Зинченко, въ 1876 г. г. Лебедевымъ, въ 1878 г. г. Керскимъ и въ 1881 г. г. Зинченко, и ректоромъ семинаріи за это время дѣйствительно было лицо латышскаго происхожденія, извѣстный протоіерей Дрекслеръ. Въ ревизорскомъ отчетѣ за 1872 г. встрѣчаются неблагопріятныя отзывы о воспитательной части рижской семинаріи. Но, во первыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что тотъ же ревизоръ похвально отзывался о личности ректора семинаріи; во вторыхъ, что въ то время се-

минарія еще не была преобразована по новому уставу. Все-таки состояніе семинаріи сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она была до ректорства Дрекслера, стало лучше. Мы не говоримъ уже о томъ, что характерные факты, приводимые ревизоромъ, относятся къ тому времени, когда въ составъ числа воспитанниковъ семинаріи не входили эсты и латыши и, слѣдовательно, въ грубыхъ поступкахъ, о которыхъ свидѣтельствовалъ ревизоръ, не могли участвовать крестьянскія дѣти изъ эстовъ и латышей. Въ отчетѣ ревизора Лебедева за 1876 г. положеніе семинаріи выставлено въ лучшемъ свѣтѣ: говоря о воспитательной части въ семинаріи ревизоръ Лебедевъ пишетъ: «за отчетные годы характеръ инспекціи значительно измѣнился и сталъ принимать требуемое новымъ уставомъ направленіе. Случавшіеся проступки учениковъ подвергались надлежащему и своевременному взысканію, если оно было въ предѣлахъ предоставленной ей власти, или съ согласія ректора доводимо было о нихъ до педагогическаго собранія». Затѣмъ, перечисливъ нѣсколько незначительныхъ проступковъ учениковъ, ревизоръ дѣлаетъ такое заключеніе: «принимая въ соображеніе незначительное количество важныхъ проступковъ въ средѣ учениковъ рижской семинаріи... можно признать, что поведеніе ихъ въ массѣ было удовлетворительно». Отчетъ Керскаго за 1878 г. о состояніи рижской семинаріи не былъ отпечатанъ, но можно вѣрить автору «Некролога», что по отзыву означеннаго ревизора: учебная часть въ рижской семинаріи находится въ состояніи не вполне удовлетворительномъ». Это состояніе можно назвать таковымъ и въ настоящее время по неудовлетворительности нѣкоторыхъ изъ молодыхъ наставниковъ семинаріи, и авторы «Некролога» это должны хорошо знать изъ отзыва ревизіи 1881 г., констатировавшей неудовлетворительность преподаванія предметовъ особенно важныхъ въ Прибалтійскомъ

краѣ—гомилетики и практическаго руководства. Что же касается воспитательной части, то насколько намъ извѣстно, она вовсе не представлена ревизіей 1878 года въ такомъ неудовлетворительномъ видѣ, какъ можно думать по словамъ автора «Некролога»; хотя то обстоятельство, что инспекторство было соединено съ должностію преподавателя, имѣвшаго 18 недѣльныхъ уроковъ, побудило ревизора высказать мысль, что и преподаватели должны содѣйствовать инспектору въ надзорѣ за воспитанниками. Отзывъ 1881 г. не былъ извѣстенъ авторамъ «Некролога» до появленія послѣдняго въ печати. Въ этомъ отзывѣ состояніе семинаріи представляется въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Но къ этому времени обстоятельства такъ сложились что мудрено было и ожидать лучшаго отзыва. Состояніе семинаріи оказалось печальнымъ вслѣдствіе того, что за это время нѣкоторыя кафедры, къ несчастію, были замѣщены лицами, которыя поставили своей задачей ловить рыбу въ водѣ, которую они сами мутили. Увѣреніе автора, что ни одинъ изъ ревизоровъ не упомянулъ семинаріи добрымъ словомъ, преувеличены и неточны; наиболѣе невыгодные отзывы о воспитательной части въ семинаріи заключаются въ отчетахъ г. Зинченко за 1872 г. и еще болѣе за 1881 годъ, когда стали соприкосновенными семинаріи и играть въ ней печальную роль авторы «Некролога», бывшіе ученики покойнаго святителя по Кіевской академіи и ихъ сподвижники—недоброжелатели эстовъ и латышей. Допустимъ, что положеніе семинаріи съ извѣстной точки зрѣнія и было неблестяще; но справедливость требуетъ производить оцѣнку сравнительно; въ настоящемъ случаѣ, во первыхъ, сравнительно съ положеніемъ семинаріи до этого періода, во вторыхъ, сравнительно съ положеніемъ другихъ семинарій. Что рижская семинарія въ теченіи отмѣченнаго авторами «Некролога» десятилѣтія стала во многихъ отношеніяхъ выше

того, какимъ оно было прежде, это фактъ не подлежащій спору. Что по отчетамъ ревизорскимъ и другія семинаріи за отчетный періодъ оставляли во многомъ желать лучшаго это извѣстно всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ этими отчетами. Стоитъ только для примѣра взглянуть на отчеты ревизорскіе о двухъ семинаріяхъ южныхъ и одной весьма малолюдной сѣверной семинаріи, чтобы убѣдиться въ томъ, что рижская семинарія, по сравненію съ нѣкоторыми другими, при всѣхъ ея недостаткахъ, стояла все таки выше. И замѣчательно, что руководители таковыхъ семинарій не только не подвергались какому либо ограниченіямъ, но напротивъ получали повышенія по службѣ. Какое же значеніе послѣ этого можетъ имѣть указаніе авторовъ «Некролога» на то, что рижская семинарія въ последнее десятилѣтіе управлялась лицомъ латышскаго происхожденія, какъ не значеніе недостойной инсинуаціи, направленной, во первыхъ, противъ лицъ, хотя и эсто-латышскаго происхожденія, но старавшихся по возможности честно и добросовѣстно служить дѣлу православія и Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ, и, во вторыхъ, противъ ихъ національности. Замѣтимъ при этомъ, что составъ преподавателей въ данный періодъ состоялъ большею частію изъ природныхъ русскихъ, и что отношенія между ними и лицомъ, стоявшимъ во главѣ семинарской администраціи, «латышскаго происхожденія» всегда были доброжелательны и гармоничны до тѣхъ поръ, пока мѣста сошедшихъ со сцены достойныхъ преподавателей не заняли лица, дѣйствительно, оказавшіяся не на мѣстѣ, причинившія не мало вреда дѣлу воспитанія въ семинаріи и своимъ образомъ дѣйствій навлекшія незаслуженныя нареканія на своего бывшего учителя, почившаго іерарха. Добрыя отношенія покойнаго святителя къ бывшему ректору семинаріи разстроились подъ вліяніемъ этихъ лицъ, ознаменовавшихъ

свою дѣятельность всегда вреднымъ во всякомъ благомъ и серьезномъ дѣлѣ *наушничествомъ*. Столкновеніе между покойнымъ іерархомъ, бывшимъ ректоромъ и частію молодыхъ преподавателей, конечно, не могло дурно не отразиться на всемъ ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріи; это дѣло приняло острый характеръ, и высшее начальство признало цѣлесообразнымъ перемѣнить составъ начальства въ семинаріи. Не считаемъ себя въ правѣ произнести какія либо сужденія по этому поводу, но дальнѣйшій ходъ учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріи достаточно ясно обнаружилъ, что причина разстройства этого дѣла лежала не въ личности и намѣреніяхъ покойнаго іерарха и не въ личности и образѣ дѣйствій ректора и его прежнихъ сослуживцевъ, а въ чемъ то другомъ...

Личность ректора-Протоіерея Дрекслера-извѣстна. Питомецъ рижской семинаріи и Московской академіи, онъ все время съ одобреніемъ служилъ при рижской духовной семинаріи, съ 1862 г. наставникомъ, съ 1865 инспекторомъ и съ 1870 г. до 1881 ректоромъ. За все это время о. Протоіерей Дрекслеръ немало трудился о насажденіи и развитіи православія и внѣ вѣреннаго его непосредственному попеченію заведенія въ епархіи. — Дѣятельность и значеніе о. Протоіерея Дрекслера въ рижской семинаріи и во всемъ краѣ оцѣнивали по достоинству и командируемые учебнымъ вѣдомствомъ въ римскую семинарію въ разное время ревизоры.

1) Ревизовавшій семинарію въ 1865 г. ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, покойный преосвященный Смоленскій Іоаннъ съ особенною похвалою отозвался объ ея инспекторѣ о. Дрекслерѣ, какъ дѣятелѣ, заслуживающемъ особеннаго вниманія и поощренія начальства.

2) Членъ Учебнаго Комитета И. К. Зинченко въ своемъ отчетѣ за 1872 г. между прочимъ говоритъ. «Какъ препода-

даватель, ректоръ протоіерей Дрекслеръ, весьма удовлетвори-теленъ. Уроки по литургикѣ отличаются полнотою, послѣдова-тельностью и основательностію. Рѣчь живая, почти разгово-рная, но приличная важности предмета. Вообще онъ совершенно владѣетъ и знаніемъ и методомъ своего предмета, а равно и приѣмами преподаванія». «Записи и записки протоіерея Дрекслера, бывшаго инспекторомъ до 1870 г., подробны, опредѣленны и, такъ сказать, фактичны».

3) Покойный ревизоръ д. с. с. Лебедевъ въ своемъ отчетѣ о ревизіи рижской духовной семинаріи за 1876 г. гово-ритъ объ о. Протоіерей Дрекслерѣ: «слышанныя мною объ-ясненія его объ обрядѣ крещенія были вполнѣ основательно изложены съ указаніемъ въ частностяхъ на богослужебныя книги, на историческую сторону и сравнительно съ другими религіями».

Мнѣніе общества и отзывы ревизоровъ объ образователь-ной и воспитательной части въ рижской семинаріи во время ректорства о. Протоіерея Дрекслера по возможности оправ-дывали и продолжаютъ оправдывать ея воспитанники и по выходѣ изъ семинаріи, отличаясь прямымъ отношеніемъ къ дѣлу, трудолюбіемъ и солиднымъ поведеніемъ.

На основаніи сказаннаго и приведеннаго нами выше теперь судите, насколько справедливы и добросовѣстны составители, «Некролога», утверждая, будто семинарія находилась въ безпо-рядочномъ состояніи, благодаря тому, что она управлялась ли-цомъ латышскаго происхожденія, и что ни одинъ изъ реви-зовавшихъ семинарію за это время не помянулъ ее добрымъ словомъ! Во время управленія о. Протоіерея Дрекслера риж-ской духовной семинаріей ее старались замарать предъ епар-хіальными архіереями и ревизорами лица, питающія вообще антипатію къ дѣятелямъ туземнаго происхожденія. «Какъ! латышъ сталъ въ главѣ семинаріи! Этого не должно быть!»

Вотъ что заставило оклеветать о. Дрекслера предъ высшимъ начальствомъ и вооружать противъ него мѣстныхъ архіереевъ. Особенно кіевскіе питомцы почившаго преосвященнаго доноси-тельствомъ и наговорами своими раздражали его противъ ректо-ра латыша и эстонцевъ—инспектора и секретаря—въ своихъ расчетахъ. Противъ ректора, по природѣ мягкаго, а по своимъ педагогическимъ воззрѣніямъ, не сочувствующаго крутымъ мѣрамъ, они выступили съ тенденціями и воззрѣніями, столь-ко-же унижительными для воспитывающихся, сколько и педа-гогически не сообразными. Снисходительности въ извѣстной мѣрѣ противопологались истязательность и придирчивость, столь вредныя въ педагогическомъ дѣлѣ, и на мѣсто вразум-леній и разъясненій выступали жестокость и мстительность.

Въ «Некрологѣ» говорится, что «само правленіе семинаріи въ недавнее время официально признало, что дѣйствительно въ ученикахъ виденъ упадокъ и вѣры и нравственности». (стр. 13). Мы не посвящены въ тайны семинарскаго правленія и не знаемъ имѣли ли авторы «Некролога» фактическія основанія подобнаго увѣренія. Но намъ извѣстно, что при о. Дрекслерѣ правленіе по поводу проступка одного ученика сдѣлало поста-новленіе о пересмотрѣ существующихъ при семинаріи и изы-сканіи новыхъ мѣръ къ охраненію нравственности и религі-озности среди воспитанниковъ семинаріи. Имѣли ли основаніе авторы «Некролога» изъ этого выводить, будто «Правленіе официально признало упадокъ вѣры и нравственности» среди *всей массы* учениковъ? Напротивъ намъ извѣстно (и авторамъ «Некролога» тоже), что преемникъ Дрекслера, котораго нельзя обвинять въ пристрастіи къ первому или къ самимъ воспитан-никамъ, официально заявилъ въ правленіи, и правленіе не прекословило, что ему, ректору неизвѣстны какіе-либо факты, которыя навѣрно свидѣтельствовали-бы объ упадкѣ вѣры въ уче-никахъ, кромѣ обыкновенныхъ, чисто внѣшнихъ проступковъ,

свойственныхъ воспитанникамъ не одной рижской семинаріи. Были сдѣланы даже заявленія по поводу донесеній нѣкоторыхъ молодыхъ преподавателей, касающихся этой стороны ученической жизни, что религіозность учениковъ, насколько начальству извѣстно, ничуть не ниже религіозности этихъ—ихъ руководителей. Были даже отзывы, сдѣланные предъ кѣмъ слѣдуетъ, что образъ воздѣйствія нѣкоторыхъ воспитателей и руководителей способствуетъ не оживленію, а скорѣе подавленію въ ученикахъ не только религіознаго, но и всякаго порядочнаго чувства. Что же касается нравственности, то и относительно этого можемъ сказать, что она въ общемъ, на основаніи отзывовъ компетентныхъ, довольно удовлетворительно. Намъ также извѣстно, что замѣнившее Дрекслера начальство, заявило въ своемъ отчетѣ о томъ, что какихъ либо выдающихся безнравственныхъ поступковъ со стороны учениковъ не было; констатировано отсутствіе воровства и пьянства и засвидѣтельствовано о нравственной чистоплотности учениковъ. Семинарія, въ которой нѣтъ мѣста воровству, пьянству и разврату, не можетъ быть названа въ лицѣ своихъ воспитанниковъ безнравственной. Семинарская жизнь, правда, обильна была въ послѣдніе годы фактами, которые служили выраженіемъ общаго недовольства. Но, говоря по совѣсти, авторы «Некролога» не ошиблись бы, еслибы причину этого искали въ себѣ и лицахъ одинаковаго съ ними закала. И такъ повторяемъ, что рижская семинарія при всѣхъ своихъ недостаткахъ, во первыхъ, стояла не ниже многихъ другихъ; во вторыхъ, она все же исполняла и теперь исполняетъ свою миссію. Вотъ почему намъ представляются не неосновательными слѣдующія сужденія о ней «Рижскаго Вѣстника»: «Рижская духовная семинарія (съ двумя третями своихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ изъ эстовъ и латышей), основанная преосвященнымъ Филаретомъ 1-мъ, была всегда

преполезнымъ, предпочтеннымъ учебнымъ заведеніемъ въ здѣшнемъ краѣ. Не скажемъ, чтобы она стояла неизмѣримо выше другихъ нашихъ духовныхъ семинарій, не скажемъ и того, что наставники, служившіе въ ней, были особенно яркими свѣтилами богословской науки и первокласснѣйшими педагогами, но по совѣсти и съ твердымъ убѣжденіемъ говоримъ, что рижская духовная семинарія исполняла свое дѣло честно и добросовѣстно. Воспитанники учились старательно, на сколько могли и умѣли, доучивались весьма изрядно, а доучившись становились дѣльными священниками и народными учителями,—способнѣйшіе же и посмѣтливѣйшіе изъ семинарскихъ воспитанниковъ поступали въ наши духовныя академіи, гдѣ учились хорошо и доучивались, а доучившись въ академіяхъ являлись обратно въ здѣшній край и занимали или должности преподавателей въ той-же семинаріи, изъ которой вышли, или же посвящались въ священники городскіе или сельскіе и всегда съ честію несли свои обязанности, съ честію исполняли свой долгъ». (Рижскій Вѣстникъ» № 198, 1882 г.).

IV.

Намъ остается еще выяснитъ обстоятельнѣе причину отпаденія многихъ эстовъ и латышей отъ православія въ шестидесятыхъ годахъ и представить хотя отчасти теперешнее состояніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Намъ уже извѣстно, что вновь открытые среди эстовъ и латышей православные приходы состояли изъ массы крестьянъ, не получившихъ болѣе или менѣе основательнаго наставленія въ православіи и имѣвшихъ весьма слабую возможность освоиться съ нимъ изъ наставленій и богослуженія своихъ русскихъ пастырей и потому вѣровавшихъ, молившихся и жившихъ ни то уже вполне по лютерански, ни то по православному. Эти массы въ православіи удержала, дерзаемъ сказать, благодать Божія, даруемая вообще «смирненнымъ» (Іак. 4, 6), дѣйствующая въ человѣческой «немощи» (2 Кор. 12, 9) и въ «безумномъ міра» сего (1 Кор. 1, 27),—а каждую отдѣльную личность удерживала, конечно, только до тѣхъ поръ, пока она, подъ влияніемъ житейскихъ обстоятельствъ, не стала «противиться Духу Святому» (Дѣян. 7, 51). Вотъ почему уклоненіе эстовъ и латышей обратно въ лютеранство началось, можно сказать, со дня ихъ присоединенія. Въ консисторскомъ архивѣ найдется отписка изъ нѣсколькихъ приходовъ о лицахъ, не бывшихъ у исповѣди и св. причастія съ самаго присоединенія и, значитъ, вдругъ же послѣ присоединенія почему

нибудь отдумавшихъ принадлежать къ православной церкви, и вполсѣдствіи—отъ давленія разныхъ враждебныхъ для православія элементовъ мѣстной общественной жизни. Неподготовленность православныхъ пастырей, насмѣшки и притѣсненія со стороны лютеранскихъ господъ и хозяевъ—арендаторовъ дѣлали то, что уклоняющіеся стали исподволь заводится во всѣхъ эсто-латышскихъ приходахъ. Приходскіе священники, частію въ ожиданіи ихъ обращенія, частію изъ опасенія, что уклоненіе епархіальнымъ начальствомъ будетъ приписано ихъ неисправности, до поры до времени скрывали ихъ по духовнымъ росписямъ отъ епархіальной власти ¹⁾. Съ появленіемъ же среди русскаго духовенства священниковъ изъ самихъ эстовъ и латышей стало рельефнѣе обнаруживаться то, что уже давно существовало. Вотъ одна изъ причинъ, почему уклоненія особенно рельефно выступаютъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Въ 1865 г. отмѣненіе предбрачныхъ подписокъ объ обязательномъ крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ православіе съ враждебной православію стороны было объяснено народу въ смыслѣ свободы крестить дѣтей и держаться какого угодно вѣроисповѣданія. Этимъ же обстоятельствомъ было поколеблено въ массѣ эстскаго и латышскаго народа убѣжденіе, что въ православіи все неизмѣняемо вѣрно и что,

¹⁾ Въ 1863 г. обнаружилось, что въ нѣкоторыхъ приходахъ цѣлыя семейства лѣтъ 14 и болѣе не были у исповѣди и св. причастія, крестили своихъ дѣтей въ лютеранство и вѣнчались въ лютеранскихъ киркахъ; священники въ исповѣдныхъ росписяхъ объ этомъ умалчивали. Даже при покойномъ преосвященномъ Филаретѣ II въ 1881 г., когда онъ потребовалъ чрезъ благочинныхъ отъ священниковъ представленія точнаго списка всѣхъ уклоняющихся, одинъ изъ благочинныхъ возвратилъ священнику представленный имъ списокъ таковыхъ (всего 40 человекъ) съ замѣчаніемъ, что указано слишкомъ большое число уклоняющихся, и съ требованіемъ ограничить это число двумя—тремя.

кто его разъ принялъ, тяжкій грѣхъ тому его оставлять. Лица, присоединившіяся въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по собственному выбору, хотя православіемъ, повидимому, тяготились, считали однако уклоненіе для себя вообще грѣшнымъ и позорнымъ, но съ послабленіемъ смотрѣли на отношеніе къ православію своего молодого поколѣнія, присоединеннаго въ дѣтскомъ возрастѣ, не по своему выбору, а по желанію родителей. Весьма часто родители держались относительно дѣтей такого убѣжденія, что они, пришедши въ возрастъ, имѣютъ право проявить и свою свободную волю, остаться православными или чрезъ конфирмацію пристать вновь къ лютеранству. Вѣра, что дѣтей чрезъ родителей призвалъ къ православію и спасенію (Рим. 11, 28) Самъ Промыслъ Божій, какъ въ родителяхъ, такъ и особенно въ дѣтяхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ колебалась и сглаживалась стараніями недоброжелателей православія, коими проповѣдывался личный выборъ. Конечно, выборъ молодого поколѣнія всегда клонился бы въ пользу православія, если бы оно знало его ученіе, святость и благодать; но горе, что оно не могло получить православнаго воспитанія. Родители его сами продолжали жить болѣе лютеранствомъ, нежели православіемъ. А православныя народныя училища, которыя одни ставятъ крестьянскихъ дѣтей подъ полное религіозно-нравственное вліяніе духовенства, до семидесятихъ годовъ въ полномъ смыслѣ зависѣли отъ способностей и усердія мѣстныхъ священниковъ. Не было ни удобныхъ помѣщеній, ни способныхъ учителей, ни какихъ бы то ни было матеріальныхъ средствъ, кромѣ школьной суммы, составлявшейся изъ суммы вычетовъ отъ скуднаго жалованья самихъ же учителей, вольнонаемныхъ причетниковъ. Чтобы въ своемъ распоряженіи имѣть «школьную сумму», сами настоятели весьма часто старались имѣть при своихъ церк-

вахъ причетниковъ на не полномъ жалованьи и, значить, менѣе развитыхъ, въ явный ущербъ для своего приходскаго училища. Нѣкоторые священники уступали школъ часть своего собственного помѣщенія и сами не жалѣли трудовъ, чтобы только большее число дѣтей своего прихода провести чрезъ приходское училище и возможно большому научить изъ православнаго вѣроученія,—изъ такихъ приходскихъ школъ и выходили, такъ называемые, вольнонаемные причетники. Но болѣею частію и самыя приходскія школы при церквяхъ существовали только для виду, потому что епархіальнымъ начальствомъ предписывалось ихъ имѣть, и посѣщались онѣ двумя тремя мальчиками изъ каждой волости; волостныя же православныя училища были еще въ болѣе жалкомъ положеніи. Вся масса крестьянскихъ дѣтей пробавлялась кое-какимъ домашнимъ обученіемъ, которое не было обязательнымъ и весьма слабо контролировалось. Дѣло дошло до того, что и хозяева—лютеране стали брать себѣ въ пастухи преимущественно православныхъ дѣтей, потому что ихъ можно было не посылать въ школу и не обучать грамотѣ дома. Вотъ почему среди молодыхъ крестьянъ, переходившихъ школьный возрастъ, въ первые десять—пятнадцать лѣтъ послѣ присоединенія, таились всѣ задатки уклоненій и уже къ 1862 или 63 г., стали доходить до мѣстныхъ священниковъ скорбныя вѣсти, что сынъ такого-то, дочь такого-то крестьянина пошли на конфирмацію къ лютеранскому пастору. Кромѣ того у православныхъ латышей и эстовъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ уклоненію въ лютеранство было экономическое давленіе со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ. Часто можно было встрѣтить родителей твердыхъ въ православіи, но отправившихъ своихъ взрослыхъ дѣтей на конфирмацію къ пастору или окрестившихъ въ лютеранство новорожденныхъ. На вопросъ: что это значить? они

обыкновенно отвѣчали: «сами мы, конечно, уже не пойдемъ въ лютеранство, но сына отпустили къ пастору на конфирмацію или окрестили въ лютеранство, потому что иначе помѣщикъ не дастъ на аренду двора и не продастъ намъ земли, а когда сынъ лютеранинъ, то продастъ». Крестьянское положеніе 1860 г. предоставило въ экономическомъ отношеніи православныхъ крестьянъ волѣ помѣщиковъ, между тѣмъ какъ отмѣна въ 1865 г. вышеупомянутыхъ предбрачныхъ подписокъ, объявленная пасторами съ каведръ какъ Высочайше дарованная свобода вѣроисповѣданія,—въ смыслѣ произвола держаться православія или вернуться въ лютеранство, прервала послѣднюю нить, удерживающую эстовъ и латышей отъ уклоненій. Составители «Некролога», видно, и понятія не имѣютъ о крестьянскомъ положеніи 1860 г., утверждая, что матеріальныя условія жизни и бытовыя отношенія эстовъ и латышей при разгарѣ уклоненія были тѣ же самыя, что и прежде (стр. 8). Положеніе это, очевидно, было диктовано прибалтійскимъ дворянствомъ и рассчитано прекрасно. Положеніе это, отмѣнивъ барщину, установивъ вмѣсто нея денежную аренду за пользованіе землею и предоставивъ крестьянамъ право пріобрѣтать землю въ собственность, не установило однако ни размѣра аренды, ни таксы на землю,—то и другое предоставляя добровольному взаимному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами,—оно этимъ самымъ поставило крестьянъ въ зависимость отъ произвола помѣщиковъ. Со времени изданія этого положенія въ арендные контракты и купчія крѣпости православныхъ крестьянъ помѣщики стали вносить обязательства уплачивать повинности въ пользу лютеранскихъ пасторовъ, церквей и школъ, чего раньше не дѣлалось. Послѣ этого положенія слѣдовало исходатайствовать только въ 1865 г. отмѣну предбрачныхъ подписокъ и дѣлу конецъ,—православные крестьяне-де сами,

безъ всякихъ другихъ ухищреній, возвратятся въ лютеранство, чтобы удержать за собою аренду крестьянскихъ дворовъ или стать собственниками своихъ усадьбъ и не нести двойныхъ повинностей въ пользу церквей и школъ того и другаго вѣроисповѣданія. Расчеты недоброжелателей православія удались какъ нельзя лучше. При совмѣстномъ и дружескомъ дѣйствованіи помѣщиковъ и пасторовъ положеніе 1860 г., и распоряженіе 1865 г. произвели въ эстскомъ и латышскомъ народахъ, мало освоившихся съ православіемъ, мало въ немъ окрѣпшихъ, свое желанное дѣйствіе; не только юноши и дѣвицы, но даже мужья и жены стали являться въ конфирмаціонные дома пасторовъ. Особенно стали пустѣть православные приходы тамъ, гдѣ помѣщики отличались вѣронетерпимостію, пасторы—фанатизмомъ, а православные священники—неблагодаріемъ, и гдѣ православные жили не сплошною массою, а разсѣянно среди лютеранъ. Мы могли бы указать много такихъ несчастныхъ приходовъ, если бы не нежелали коснуться живыхъ личностей среди нашей духовной братіи, особенно не эсто-латышскаго происхожденія.

Мы уже упоминали, что окончившіе курсъ воспитанники рижской семинаріи изъ эстовъ и латышей стали поступать на мѣста, и то въ незначительномъ количествѣ лишь съ осени 1857 г., когда уже катастрофа уклоненій готовилась скоро разразиться. Извѣстно, что воспитанники семинарій изъ эстовъ и латышей, оканчивая курсъ по большей части въ первомъ разрядѣ, разсыпались по академіямъ—Петербургской, Московской и Кіевской, и для епархіальной службы, за рѣдкими исключеніями, терялись. На священническія мѣста поступали ихъ оставшіеся, весьма немногіе товарищи. Напр. изъ перваго курса поступили въ священники только два латыша (одинъ изъ нихъ черезъ четыре года по окончаніи курса) и три эста (только одинъ изъ нихъ не-

медленно по окончаніи курса, остальные двое чрезъ нѣсколь-
ко лѣтъ), изъ втораго—три латыша и три эста,—третьяго—
два латыша и ни одного эста. Значить, не въ большомъ
числѣ поступали на священническія мѣста воспитанники
рижской семинаріи туземнаго происхожденія и изъ послѣду-
ющихъ курсовъ, если и по настоящее время они составля-
ютъ едва $\frac{1}{5}$ часть священниковъ епархіи, именно изъ эстовъ
19, а изъ латышей 13, а всѣхъ священниковъ въ епархіи
175. Въ 1863 г., когда, по словамъ составителей «Некро-
лога», стали обнаруживаться отпаденія въ большомъ числѣ,
на священническихъ мѣстахъ состояло всего 11 человекъ изъ
природныхъ эстовъ и латышей ¹⁾). Утверждать, что они рас-
пустили всѣ эстскіе и латышскіе приходы и вызвали въ нихъ
уклоненія, болѣе чѣмъ смѣшно. Въ Прибалтійскихъ город-
скихъ, чисто русскихъ приходахъ уклоняются въ расколъ и
даже въ лютеранство коренные православные русскіе люди;
ужели и тутъ виноваты священники эсто-латышскаго проис-
хожденія? Требовать, чтобы они не только въ своихъ, но и
во всѣхъ другихъ эсто-латышскихъ приходахъ, управле-
мыхъ природными русскими священниками, удержали народъ
отъ отпаденія—невозможно. Остановить давно начавшееся
уклоненіе и въ своихъ приходахъ они сразу не могли. Какъ
трудно удержать стремленіе воды, когда прорвана плотина,
такъ же трудно удержать теченіе народной жизни по тому на-
правленію, какое ей дано историческими причинами. Мы мо-
жемъ положительно утверждать, что въ разныхъ приходахъ,
пока въ нихъ священниками были природные эсты и латы-
ши, народъ какъ бы согрѣвался новою живою струей рели-
гіознаго чувства. Въ теченіи тѣхъ же шестидесятихъ годовъ

¹⁾ Одинъ изъ латышей втораго курса чрезъ годъ выступилъ изъ епархіаль-
наго въ учебное вѣдомство.

сами архипастыри уговаривали наставниковъ семинарій изъ
эстовъ и латышей, чтобы они, для поддержанія православія,
поступали священниками въ сельскіе приходы ¹⁾). Перево-
дился священникъ эстъ или латышъ, и его замѣщалъ свя-
щенникъ русскій, особенно не изъ воспитанниковъ рижской
семинаріи, въ приходѣ начинались вновь колебанія, иные
приходы чрезъ это и пустѣли. Нельзя не сознаться, что
частыя перемѣщенія священниковъ изъ эстовъ и латышей съ
одного прихода на другой, происходившія частію по волѣ
епархіальнаго начальства, частію же по прошенію самихъ
священниковъ, парализировали сильно ихъ доброе пастыр-
ское вліяніе на приходы и служили иногда поводами уклоне-
ній, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣсто ихъ назна-
чались люди иного закала, не знающіе языка своихъ при-
хожанъ и мало къ нимъ расположенные. Гдѣ священники—
латыши или эсты, а также русскіе питомцы рижской семи-
наріи остаются на своихъ мѣстахъ долгіе годы, тамъ при-
ходы большею частію религіозно согрѣты и сплочены. Прав-
да, и по настоящее время приращеніе и въ лучшихъ право-
славныхъ латышскихъ и эстскихъ приходахъ рижской епархіи,
по отчетамъ, мало замѣтно. Это зависитъ отъ того, что мало
уменьшается число случаевъ крещенія дѣтей отъ смѣшанныхъ
браковъ въ лютеранство, въ силу неоднократно нами упоминае-
маго распоряженія 1865 года. Но заключать изъ этого, будто и

¹⁾ Въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ за 1882 г. въ № 110-мъ свя-
щенникъ туземецъ приводитъ слѣдующій разительный фактъ. „Въ городѣ
Перновѣ“, говоритъ онъ, „при двухъ старыхъ священникахъ изъ Пскова,
полуторатысячный эстонскій приходъ умалился до 3—4 сотенъ.“ Теперь же,
при поставленныхъ Филаретомъ II двухъ молодыхъ священникахъ рижской
семинаріи, изъ которыхъ одинъ эстонецъ съ академическимъ образованіемъ,
а другой русскій, численность эстонскаго прихода даже превышаетъ перво-
начальное количество, такъ что является необходимымъ хлопотать о по-
стройкѣ второй церкви.

по настоящее время продолжают отпаденія взрослых эстовъ и латышей отъ православія массами, даже «crescendo», можетъ только человѣкъ, совершенно незнакомый съ внутреннею жизнію епархіи. Численныя уклоненія замѣтно стали утихать уже съ послѣднихъ шестидесятихъ годовъ и не усиливались, а уменьшались постепенно съ каждымъ годомъ, такъ что въ настоящее время въ эсто-латышскихъ приходахъ уклоненія встрѣчаются только единичныя, — «все слабое и колеблющееся давнымъ давно ушло, а осталось одно несовратимое». Но кто стоитъ поближе къ жизни народа, тому извѣстно, что съ конца шестидесятихъ годовъ въ ней произошла значительная перемѣна въ смыслѣ упраздненія причинъ, порождавшихъ уклоненія. Аграрный кризисъ латыши и эсты въ своемъ большинствѣ пережили. Но самая сущность дѣла еще не въ этомъ. Съ 1857 года въ лицѣ священниковъ изъ воспитанниковъ рижской семинаріи православные латыши и эсты стали получать пастырей или сродныхъ имъ по происхожденію или, хотя и русскихъ, но въ большинствѣ своемъ хорошо знающихъ ихъ бытъ и нравы, скоро и правильно усвоющихъ ихъ языкъ, и потому способныхъ касаться ихъ сердца словомъ назиданія и совершать для нихъ понятное и пріятное богослуженіе и притомъ умѣющихъ держать себя достойно своего пастырскаго званія предъ своими пасомыми и иновѣрцами. Не десятками, правда, а единицами появлялись такіе желанные пастыри среди народа, но все-же ихъ число росло и пополнялось новыми и новыми ставленниками, до преобразования рижской семинаріи, чрезъ каждые два года, послѣ ея преобразования, уже чрезъ каждый годъ, такъ что въ настоящее время воспитанники рижской семинаріи всѣхъ трехъ народностей составляютъ уже слишкомъ третью часть духовенства епархіи, именно 69. Медленно, постепенно, но за то прочно развивалось ихъ вліяніе на народъ и ихъ слово

и дѣло производили свое дѣйствіе... Вѣроисповѣдный кризисъ 1861—1865 г., а равно и появленіе на приходахъ въ священническомъ санѣ туземцевъ и другихъ воспитанниковъ рижской семинаріи содѣйствовало, можно сказать, и тому, что многіе изъ прежнихъ священнослужителей стали обращать вниманіе на изученіе языка своихъ прихожанъ, вникать въ ихъ духовныя нужды, служить и проповѣдывать имъ по сердцу и радѣть о воспитаніи и образованіи ихъ молодаго поколѣнія. И вотъ, что всего важнѣе, возстановляется вновь въ эстскомъ и латышскомъ народахъ уваженіе, довѣріе, сочувствіе къ своему православному пастырю, — словомъ возстановляется между ними та нравственная связь, которая должна существовать между пастырями и пасомыми, чтобы первые и для религіозно-нравственнаго назиданія послѣднихъ трудились до готовности положить за нихъ свою жизнь, а послѣдніе «повиновались наставникамъ своимъ и были имъ покорны» по тому побужденію, что «они неусыпно пекутся объ ихъ душахъ, какъ обязанные дать отчетъ, и чтобы они дѣлали сіе съ радостію, а не въздыхая» (Евр. XIII, 17.). Вотъ въ чемъ главная историческая заслуга рижской духовной семинаріи, такъ недостойно оклеветанной авторами «Некролога», — заслуга, которой у нея никогда не отымутъ ни личные враги ея усердныхъ труженниковъ, къ которымъ было бы грѣшно отнести авторовъ «Некролога», ни недоброжелатели всего туземнаго эсто-латышскаго духовенства.

Само собой разумѣется, что, въ виду общаго развитія латышей и эстовъ, ихъ молодое поколѣніе могло находить въ православіи удовлетвореніе своихъ религіозно-нравственныхъ потребностей лишь по мѣрѣ того, какъ оно проходило православныя церковныя школы, которыя однѣ могутъ развить крестьянина эста и латыша до сознательнаго усвоенія православныхъ догматовъ, постановленій и обрядовъ, словомъ,

до отчетливаго убѣжденія, что въ православіи истина, благодать и спасеніе. Вотъ почему немедленно послѣ вѣроисповѣднаго кризиса 1861—65 гг. духовенствомъ было обращено усиленное вниманіе на развитіе православныхъ церковноприходскихъ и вспомогательныхъ школъ въ приходахъ. Но духовенство одно, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, конечно, не устроило бы ни тѣхъ, ни другихъ училищъ, если бы и на этотъ разъ ему не простерло руку помощи правительство... Съ начала семидесятыхъ годовъ въ лицѣ ежегодно оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ Прибалтійской учительской семинаріи, почти исключительно природныхъ эстовъ и латышей, православные сельскіе пастыри стали получать способныхъ сотрудниковъ, специально-приготовленныхъ народныхъ учителей, которые теперь уже имѣются почти во всѣхъ приходахъ. Главнымъ образомъ ихъ трудами въ продолженіи десятилѣтія православныя эсто-латышскія приходскія школы приобрѣли то уваженіе и довѣріе народа, которыми онѣ пользуются въ настоящее время, и вспомогательныя-волостныя училища получили болѣе развитыхъ и способныхъ учителей; и въ тѣхъ и другихъ крестьянскія дѣти созрѣваютъ въ сознаніи преимуществъ православія и въ симпатіи къ Царю и отечеству, словомъ «возрастаютъ», согласно своей ежедневной молитвѣ, «своему Создателю во славу, родителямъ на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу». Но ни дѣятельность православныхъ пастырей, ни труды народныхъ учителей не имѣли бы того успѣха и тѣхъ отрадныхъ послѣдствій, если бы сначала тѣхъ же семидесятыхъ годовъ правительство не обстроило бѣдныхъ латышско-эстскихъ приходовъ приличными и достаточно обширными храмами и приходско-училищными домами при нихъ и не продолжало ихъ обстраивать просторными и свѣтлыми помѣщеніями для приходскихъ и вспомогательныхъ школъ и по настоящее время

чрезъ Прибалтійскій Училищный совѣтъ. И такъ, намъ остается кончить свои замѣтки благодарностію правительству за церкви и школы, построенныя и еще возводимыя для православнаго эстскаго и латышскаго народа.

Православные эсты и латыши обязаны сердечною признательностію и глубочайшею благодарностію правительству и за самыя семинаріи—рижскую духовную—этотъ разсадникъ православныхъ пастырей,—прибалтійскую и дерптскую учительскія семинаріи—эти разсадники способныхъ и трудолюбивыхъ православныхъ народныхъ учителей. Семинаріи, вы три православно-русскія свѣтила латышскаго и эстскаго народа! «такъ» и впредь—«да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославили Отца нашего небеснаго» (Матѳ. V, 16).

Только враги православія и всего русскаго дѣла въ краѣ могутъ вопіять о вредѣ какого либо изъ этихъ трехъ учебныхъ заведеній и дѣятелей, вышедшихъ изъ нихъ.

Въ заключеніе всего считаемъ необходимымъ высказать слѣдующее: цѣль нашихъ замѣчаній по поводу выходовъ «Некролога» противъ эсто-латышскаго духовенства состоитъ не въ томъ, чтобы, защищая православныхъ эстовъ и латышей, бросить невыгодную тѣнь на русскіхъ дѣятелей Прибалтійскаго края вообще. Напротивъ, мы отъ всей души желаемъ для этого края возможно больше дѣятелей русскіхъ или не русскіхъ—все равно, и можемъ увѣрить, что име-